

Трое из офиса

Бал лучших людей

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валера Нематрос

Валера Нематрос
Трое из офиса.
Бал лучших людей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67667564

SelfPub; 2022

Аннотация

С каждым порой случаются удивительные и непредсказуемые вещи. С этими тремя людьми никогда не происходит ничего банального и заурядного.

Содержит нецензурную брань.

Валера Нематрос

Трое из офиса.

Бал лучших людей

Виктор Андреевич открыл дверь и сутулым, заебавшимся за день человеком, ввалился в квартиру. Квартира была скромной однушкой на окраине города, но и Витя был не сказать, чтоб пиздец каким важным гражданином. Годы брали свое, почти ничего не давая взамен. Потрепанный мужичонка «за сорок», такого в толпе не заметишь и на хуй пошлав, не получишь удовлетворения.

Витя снял кепку, ловким движением закинул ее на крючок вешалки, и только после этого включил свет. Очевидно, это было одним из редких его развлечений. Кепка укоризненно качалась на крючке.

Виктор Андреевич в последние несколько лет занимался грузоперевозками, прикупил себе «сранный портер» и возил на нем все подряд. И внедренным в логистические цепочки средней руки компаний, и самостоятельно.

Планов на вечер в целом не было, но тут весьма кстати захотелось срать. Витя взял томик Паланика, что-то про самоубийц, и направился в галльон. Дверь неожиданно оказалась закрытой.

«Занято» – первым делом подумал Витя, но тут же отогнал от себя эту мысль. Да, жизнь его не балует, но застрять в очереди в сортир в собственной квартире? Витя дернул ручку сильнее. Тот же результат.

– Чё ломишься? – спросил внезапный голос из-за двери. – Не видишь, занято?

Витя прихуел. Вечер сходил с натоптанной тропы. Срать некстати захотелось сильнее.

– Кем, стесняюсь просить?

– Мной, – до обидного спокойно ответил голос.

– Но я срать хочу! – не нашел лучшего ответа Витя.

– Сочувствую, – так же размеренно произнес собеседник.

Комизм ситуации не разделял только неумный позыв Виктора к дефекации.

– Ладно, – вздохнул он. – Давайте рассуждать разумно. Это моя квартира. Это мой туалет. Мной приобретенный унитаз в комплекте со сливным бачком. Не припомню, чтобы делегировал полномочия срать в него кому бы то ни было без разрешения.

Собеседник размышлял. Секунды тянулись одна за одной, и Виктор подумал даже, не уснули ли там, за дверью. Наконец голос явил себя:

– Ладно. Ты прав. Не кипятись.

Но Витя уже начал кипятиться. Можно даже сказать бурлил.

– Я вызываю полицию! Это свободная страна, и я ее граж-

данин.

Виктору показалось, что голос хрюкнул тем смешком, который всеми силами пытаются сдержать.

– Денег хочешь? Двести штук. – Сказал вдруг голос из сортира.

– Зелени? – нашелся Виктор Робертович.

– Хуелени, – не растерялся и собеседник. – Рублей, конечно.

– Давай, – ответил Виктор.

– Не давай, а заработать, – поправил его собеседник. Переговоры шли трудно, особенно в свете того, что собеседник вроде как срал, а Виктор – нет, но хотел бы.

– Короче так, – продолжил голос, – завтра подгоняй машину затемно, часа в четыре утра, к складу – адрес я дам – там тебя загрузят, отвезешь в одно место, в отель в горах. Сто штук сразу, сто штук после. Честная сделка.

– Наркотики? Прокладки? Сахар? Мертвые шлюхи? – заволновался Виктор, – я на контрабанду не подпишусь!

– Все легально, – успокоил его голос. – Деликатесы. В отеле большой праздник – важные люди, торжественный повод. Фуршет, танцы и прочее.

– Это прочее я и должен привезти? – уточнил Виктор.

– Э-э-э, кхм, в каком-то роде. – не сразу ответил голос.

– Согласен. А теперь выходи, я срать хочу.

– Сри на балконе, я здесь надолго.

Виктор хотел было уже ломать дверь, но потом решил, что

с работодателем так не поступают. Накинул парадное пальто и шляпу с полями и выскочил из квартиры.

Срать решил в подъезде, чтоб не застудить жопу. Март выдался прохладным даже здесь, на юге.

Сделав кучу на чьих-то санках, вернулся в квартиру. Не прошло и пяти минут, но в сортире уже никого не было. Не снимая пальто и шляпы, он ворвался в санузел. Никаких следов пребывания разумного существа. Ни запаха говна, ни аромата цитруса и альпийских лугов из баллончика. На всякий случай Виктор Андреевич заглянул в унитаз и даже под ободок – никого.

Он решил было, что никакого гостя и не было, а весь диалог ему почудился, но заметил на полу полоску туалетной бумаги, на которой красной ручкой был выведен адрес склада – неподалеку, в двух кварталах.

***

Витя крутил баранку развалюхи, уверенно вписываясь в серпантины. Утром, как и было условлено, он загрузился на складе. Крепкие мужики с суровыми ебалами и мозолистыми ладонями, нагрузили деревянных ящиков, украшенных неттами и бруттами, никаких накладных не дали, а ближе к концу подошел, кутаясь в нечто среднее между плащом и телогрейкой, какой-то мужик.

Он молча расплатился с грузчиками, потом не говоря ни

слова, уселся в кабину портера, на пассажирское место, и вылезать не собирался. Витя хотел было выяснить отношения, но мужик только коротко спросил:

– Посрал?

Это и был его вчерашний работодатель. Первое время ехали молча. За городом Витя поинтересовался:

– Как зовут-то?

Мужик посмотрел на Витю, как на вошь, и было в его взгляде что-то такое, что будто бы давало ему право Виктора Андреевича таковым и считать.

– Мориц Казимир Бентхайм-Текленбург фон Гюттерсвик. Но можешь называть меня просто дядя Миша.

И дядя Миша вновь погрузился в собственные мысли, не обращая внимания на Витю. И мыслил он так глубоко и сосредоточенно, будто бы не меньше, чем о захвате Польши. Чуть позже он захрапел.

Виктор Андреевич ехал молча, негромко включив радио и раздумывая о странном заказе. Приехать нужно было тоже затемно, а до рассвета оставалось не более получаса.

Навигатор вдруг перестал ловить сеть, и зеленая полоска маршрута стала серой. Благо и этого было достаточно – ни о каких пробках речь не шла, за последние двадцать минут Вите вообще не попалось ни одной машины, ни встречной, ни попутной.

Наконец дорога вывела грузовичок на площадку, плато, на котором, прижавшись к скале, стоял отель. Витя никогда

тут не бывал, хотя по краю покатался немало. Отель выглядел вполне себе древним, напоминающим средневековый замок, и ухоженным примерно чуть больше, чем никак.

Первой мыслью было – а не дворец ли это нашего президента? А что, одним больше, одним меньше...

Виктор Андреевич припарковал портер поближе ко входу. Трудностей это не доставило – парковка была пуста.

– Приехали! – кивнул он дяде Мише. Тот по-прежнему спал.

Витя пожал плечами и вышел из кабины, нарочито громко хлопнув дверью, чтоб разбудить работодателя. Раздвинул щеколды замков, открывая кузов. Затем обошел машину с другой стороны и открыл пассажирскую дверь. Вскочил на подножку.

– Приехали, говорю, просыпайтесь! – подергал за рукав дядю Мишу.

Дядя Миша выглядел умиротворенным, словно в своем сне ему было глубоко похуй, кто приехали и куда. Витя тряхнул сильнее. Никакой реакции. Витя напрягся. Шлепнул дядю Мишу по щеке. Та была наощупь, как кусок охлажденной индейки в супермаркете.

– Да ну нахуй, – запереживал он.

Ситуация складывалась таким образом, что дядя Миша, кажется, отдал концы. Витя подставил ладонь – никакого намека на дыхание. Появилась мысль выгрузить дядю Мишу на парковке и съесть. Мысль здравая, разумная и привлека-

тельная, но у отеля наверняка есть камеры, направленные на парковку. Просто вызвать полицию? Не мешало бы понять, что за груз он вез. Витя соскочил с подножки и зло сплюнул на асфальт. Нужно было что-то делать. Во-первых, он не убивал дядю Мишу, они просто ехали вместе, так что мокруху на него скорее всего не повесят. Да, он согласился перевезти какой-то груз, и в содержимом ящиков в кузове его грузовика могла крыться проблема. Бросить грузовик и съехать пешочком? Нет, это в нем заговорила паника. Ничего страшного не произошло. Нужно просто идти в отель и оттуда сообщить обо всем в скорую и полицию.

Витя бросил еще один взгляд на дядю Мишу, который чуть съехал на бок, прислонившись еблом к стеклу, и направился к отелю. Здание было необычайно колоритным, монументальным и тревожно-величественным, будто вправду насчитывало не одну сотню лет истории. Витя в десяток шагов покрыл расстояние до входных дверей, которые легко распахнулись, пропуская его внутрь.

Но вот на ресепшене никого не оказалось. И вообще, все выглядело как-то странно. Не то, чтобы заброшенным, нет. Но такое ощущение, что все ушли отсюда, например, вчера вечером, и с тех пор здесь никого.

– Эй! – крикнул он, – есть тут кто-нибудь?!

Ответило только эхо, но с ним Виктор Андреевич разговаривать не собирался. А собирался он заглянуть за ресепшен, что и сделал. Все выглядело не очень современным –

никаких компьютеров, только бумажные книги учета постояльцев. Стенд с крючками для ключей, часть из которых была занята, а добрая половина пустовала. Телефон, к слову, оказался обычным, вполне себе кнопочным. Подняв трубку, Виктор Андреевич убедился, что гудков нет. Если этот аппарат для чего-то и предназначался, то точно не для звонков.

– Ну нахуй, – сосредоточенно произнес Витя и направился к выходу. Идти спиной к этому зловещему отелю было страшно, но недолго. Ему почему-то вспомнился роман Кинга «Сияние», а еще казалось, что из окон за ним определенно наблюдают. Виктор Андреевич резко обернулся, надеясь заметить хоть какое-то движение, но нет, все было тихо.

Это «тихо» и пугало больше всего. Ввязался блядь в приключение. Нужно было думать, как быть с дядей Мишей, и по всему выходило, что придется везти его обратно в город и там сдавать медикам для констатации смерти. Витя открыл водительскую дверь и собирался уже лезть в кабину, как увидел, что пассажирское сиденье пустовало. Никакого дяди Миши на нем не было, ни живого, ни мертвого.

Витя захлопнул дверь и обошел машину, решив, что не плотно закрыл пассажирскую дверь, и дядя Миша попросту выпал. Это предположение оказалось неверным.

Виктору Андреевичу, повывавшему на своем веку достаточно, тем не менее стало страшно. Не так страшно, как когда к нему, угрожая киянкой, приставал трудовик, но тоже весьма и весьма.

– Дядя Миша! – крикнул он в туманную пустоту горного плато. Обошел вокруг портера, не выпуская из вида вход в отель. Почему-то ему казалось, что там притаилось зло. Нагнувшись, бегло осмотрел пространство под машиной – ничего, кроме убогого китайского днища.

– Ладно, удачи вам, держитесь тут, – пробормотал он, запрыгивая в кабину. План был единственный – свалить побыстрее и забыть последние полсутки, как страшный сон. Тем более, сто тысяч предоплаты лежали в его кармане.

Портер не завелся. На приборке не загорелось никаких лампочек. Стартер не сделал вжик-вжик. Вообще ничего. Виктор мог сколько угодно надрачивать ключ зажигания – результат был не ближе, чем оргазм его фригидной бывшей, когда он так же активно работал кистью своей левой, сильнейшей, руки.

Только сейчас Виктор Андреевич напрягся по-настоящему. Капелька пота медленно скатилась по его виску.

***

– Почему ты на мне не женишься? – поинтересовалась Олеся.

«А схуяли блядь?» – было первым, что пришло в голову. Посоперничать с этим ответом мог бы разве что «Ты вообще свое ебало видела?».

Антон Сергеевич неопределенно пожал плечами.

– Я как-то не думал об этом, – наконец выдавил он.

– А ты подумай, – с нажимом сказала Олеся. Она была из тех женщин, что даже в три-четыре-пять лет не выглядела нежным пупсиком и симпатягой. А уж в тридцать семь тем более.

– Пойми, дело не в тебе, дело во мне... – начал было Антон.

– Разумеется, в тебе! – перебила его Олеся.

Разговор не клеился. Они познакомились на благотворительном вечере местного художника два дня назад. Антон, как представитель творческой интеллигенции, искал там свое я, а Олеся – жертву.

Проснулись в номере Антона в полном беспорядке и со страпоном на тумбочке.

Прислушавшись к ощущениям, Антон Сергеевич выдохнул и решил, что если этим орудием вчера и искали в ком-то изюминку, то точно не в нем. Но просто так избавиться от Олеси не вышло, она так крепко впилась своими ботоксными губищами в его член и быт, что расстаться решительно никак не получалось.

– Может, ты педик? – спросила Олеся.

Они ехали по горному серпантину на арендованном красном пыжике в кузове кабриолет. Ветер трепал волосы Олеси, а когда она говорила, то еще и рот.

– Может и педик, – впервые в жизни произнес Антон Сергеевич. Он был готов на многое, чтобы закончить этот затя-

нувшийся абьюз.

– Да не, – захихикала Олеся, – на педика ты не похож. Та на чмо похож.

Антон Сергеевич повернул к ней свое злобное ебало, но Олеся невинными глазами смотрела на него, и сердиться на такую мразь было решительно невозможно.

– Но ничего, я из тебя сделаю человека, – успокоила она Антона. Перспектива стать человеком таким путем его не прельстила.

Теперь Антон твердо решил поставить точку. Прямо во время бала он выйдет покурить, спустится на парковку, сядет в машину и уедет километров за пятьсот, а потом заправится и промчит еще пятьсот. На душе потеплело, и он улыбнулся.

– Хорошо хоть бал не костюмированный, – задумчиво произнес он, барабаня пальцами по рулю.

Олеся молчала. У нее костюмчик был заготовлен.

***

Виктор Андреевич не очень хотел выходить из кабины, как цыпленок из яйца, но понимал, что это необходимо. Как бы ни развивались события в дальнейшем, первым шагом было еще раз осмотреться на местности. Самым разумным планом казалось максимально быстро уйти в рассвет, который уже занимался, по той же дороге, по которой они приехали, только в обратном направлении. Ну и что, что за пол-

часа им не подалось ни одной машины – просто было очень рано.

Витя вылез на свежий воздух, и у него закружилась голова. Захотелось на пляж с кружкой холодного пива и красивой потной, соленой женщиной с упругими бедрами и гибкими жизненными принципами. Он вытащил из наружного кармана перцовый баллончик и собрался уже было покидать локацию, как заметил, что в фойе отеля будто бы загорелся свет.

– Нетушки блядь, – погрозил кулаком отелю Витя.

На втором этаже правого крыла в одном из номеров тоже горел свет. Витя был уверен, что никакого света в его первый визит не было. С другой стороны, в далекой молодости он почти две недели думал, что никакого сифилиса у него нет.

Собрав волю в кулак, он вновь направился в отель, крепко сжав в кармане перцовый баллончик.

В фойе и вправду горел свет, не яркий в тысячи ватт, а спокойный, приглушенный и умиротворяющий. Ресепшен украшала улыбающаяся девчуля, вполне в его, Виктора Андреевича, вкусе.

– Здравствуйте! – радостно произнесла она, улыбаясь так убедительно, будто он – ее дядюшка, вернувшийся из очень длительной командировки, а она – любительница инцестов. – Чем могу помочь?

Некоторое время Виктор Андреевич недоверчиво смотрел на нее, пытаясь увидеть странности или несостыковки.

– У меня там человек в машине умер, – наконец начал рассказывать он и тут же запнулся, – но это не точно.

– Да вы что? – всплеснула руками она, – как жаль! Это ужасно, ужасно. И что вы собираетесь делать?

– Пока ничего, – поделился планами Виктор Андреевич, – потому что... как бы вам сказать... он куда-то делся.

– Умерший? – уточнила девушка.

– Ага.

– Такое бывает, – пожала плечами она, – умершие куда-то пропадают, да. Было бы гораздо хуже, если они все время оставались с нами. Ну, вы понимаете, о чем я...

Виктор Андреевич совершенно не понимал, о чем она. И ему по-прежнему хотелось уехать.

– А еще я вам привез деликатесы. Но это тоже не точно. – Засомневался он. – Дядя Миша. Вы знаете дядю Мишу?

Теперь была очередь девушки непонимающе смотреть на него. Никакого дяди Миши она, очевидно, не знала.

– Тогда давайте, я выгружу этот товар, ящики, такие большие... – затараторил он, – только вы скажите, где у вас зона выгрузки? Ах, черт! – выругался он, – как же я подъеду, если моя машина сломалась?

– Ваш напарник умер и куда-то делся, а машина сломалась. Не лучшее утро, – вздохнула девушка.

Витя подумал, что ее могли бы звать Камилла или Оливия. А соски у нее розовые или коричневые?

– Да, – согласился он. – И вот еще что – у вас тут нет

механика или кого-нибудь, кто мог бы залезть под капот?

В это время за его спиной хлопнула дверь и послышались шаги. Витя видел, как Камила – Оливия улыбаясь посмотрела на посетителя.

– Доброе утро, герр Мориц! – обрадовалась она.

Витя повернулся и у него задергался глаз. Это был дядя Миша.

– Дядя Миша! – почти вскрикнул он. Возглас вышел громче, чем он рассчитывал. – Еб твою мать, я думал, ты умер!

Дядя Миша пристально посмотрел на него. Взгляд был даже будто бы холодноватый, словно это не они оказались в ситуации, когда один из них ненадолго умер в присутствии другого, перед этим насрав в его унитаз.

– Молодой человек, – наставительно произнес дядя Миша, – доведись вам знать мою мамашу, вы бы и мысли не допустили про соитие. Страшная женщина, да. Страшная и очень суровая.

Он наклонился к Вите и произнес негромко, почти заговорщически:

– Может быть, это даже она бы вас выебала.

Виктор Андреевич смутился. Ничего такого он не имел в виду.

– Анжелочка, – Мориц Казимир уже забыл про Виктора, – дайте указание – пусть разгрузят машину молодого человека. Я привез нечто вкусненькое. И да, попросите ребят, пусть возьмут тележки – автомобиль в ближайшее время не смо-

жет передвигаться сам. Двигателю пизда. Да-с.

И он постучал невесть как оказавшейся в руке тростью по полу. Звук получился гулким и весьма тревожным. К Вите вернулось желание съебаться.

Анжелочка, а никакая не Камилла и не Оливия, посмотрела на Виктора Андреевича, все так же улыбаясь.

– У нас есть замечательный номер на первом этаже. Вообще-то он для почетных гостей, но никого почетнее вас сейчас нет, поэтому вы можете отдохнуть в нем и принять душ. Я распоряджусь, чтобы минут через сорок вам подали завтрак. Омлет из двух яиц, – с нажимом произнесла Анжелочка, сложив большие и указательные пальцы обеих рук в кружки «окей», что по всей видимости и означало пресловутые два яйца. А потом вдруг поднесла руки к лицу так, что получились очки, сквозь которые она смотрела на Витю.

«А дама-то с ебанцой» – отметил он. А вслух произнес:
– С удовольствием.

***

Номер, в который его проводили, был прямо-таки шикарным. Дорогая мебель, то ли искусственно состаренная, то ли вправду старинная, ковры, канделябры, балдахин, лепнина.

– Хорошего дня, месье, – портье улыбался, но никак не уходил, ожидая, по всей видимости, чаевых.

Виктор Андреевич не сказать, что был беден. В его карма-

не хрустели двадцать новеньких пятидесятирублевых купюр. Проблема была в том, что только они у него и были. А давать пять тысяч чаевых портье не входило в его планы. Витя полез в карман и нащупал баллончик. Можно было бы прыснуть портье в лицо перцовым газом, но это не вытекало из логики ситуации. Он виновато улыбнулся.

– Старик, все бабки в машине. Я чуть позже прогуляюсь до нее, и обязательно поблагодарю. Я тебя запомнил.

– Я тоже вас запомнил, – хитро прищурился портье, и у Вити вновь пробежал по спине злосчастный холодок.

Как только за неприятным служащим отеля захлопнулась дверь, Витя с разбега прыгнул на кровать, не снимая обуви, затем заглянул в огромную уборную и поссал в раковину. Что поделаешь, он был панком, а панки не стареют. Он подумал, а не посрать ли туда же, но решил приберечь козыри до отъезда.

Вдруг захотелось спать. Усталость свалилась на него внезапно, но очень настырно. Виктор Андреевич скинул ботинки по пути к кровати, но сил раздеться у него уже не было.

Витя плюхнулся на кровать лицом вниз, в туманной голове промчались воспоминания последних двенадцати часов, и он уснул.

***

– Запомни первое правило, – Володька отхлебнул нечто,

пахнущее кошачьей ссаниной, из термокружки и блаженно закатил глаза, – не все, что существует, ты видишь. Но и не все, что ты видишь – существует. Понял?

Валерий Робертович устроился на новую работу совсем недавно, вчера, если быть точным. Объявление в газете было похоже на обманку или на найм в частную военную компанию, но он позвонил, а после обеда прошел собеседование и уже вечером стал сотрудником компании и даже получил аванс. Работа опасная, связанная с риском для жизни, и все такое.

Его шефом стал Володька Гундяев. Вообще, фирма и состояла из одного Гундяева, у которого теперь был заместитель – Валерий Робертович.

– Кстати, не хочешь? – Гундяев протянул ссанину Валере. – Настойка из голубой плесени. Рекомендую. Проясняет сознание.

В подтверждение своих слов Гундяев внимательно и очень продолжительно посмотрел на Валеру.

А лучше бы смотрел на дорогу.

Хуякс!

Они определенно кого-то сбили. Лобовое стекло мини-вэна треснуло, пустилось кровавой паутиной, переднему бамперу и решетке радиатора пришлось не лучше. Гундяев затормозил.

– Вот же бляже! – выругался он.

Валерий Робертович собирался честно отработать аванс,

но дольше испытательного срока в этой организации решил не задерживаться. Гундяев со вздохом открыл дверь и вышел из машины.

Валера последовал за ним.

Повреждения передней части минивэна были такой силы, что по косвенным признакам они сбили слона. Но сбитого слона на дороге не было. Гундяев стремительно осмотрел все вокруг, обочины на пятьдесят метров назад, и даже спустился в овраг, заодно поссав. Нигде никаких следов сбитого животного.

– Хуйня, показалось, – махнул рукой Гундяев, садясь в машину. Валерий Робертович засомневался, не прячет ли Гундяев в недрах пиджака прокурорские или депутатские корочки, но промолчал.

Гундяев дал газу, двигатель взвыл, машина тронулась, но тут же заглохла, не проехав и двух метров. Гундяев завел ее еще раз, но история повторилась.

– Слышишь, – прокомментировал он, повторяя алгоритм в третий раз, – интеркулеру пизда. Турбина орет, и по перегреву вырубается. Никуда мы нахуй не уедем.

Говорил он это весьма оптимистично, чего Валера не разделял.

– Тут недалеко, – подвел итог Гундяев, – дойдем пешком, а как закончим – вызову эвакуатор. Хватай рюкзак с инвентарем.

Гундяев вылез из минивэна, и, насвистывая, зашагал по

дороге. Валерий Робертович, как сотрудник более низкой квалификации и в табели о рангах организации занимающий положение амебы, схватил рюкзак и поплелся следом.

***

– Ахуеть! – воскликнула Олеся.

– Где ахуеть? – завертел головой Антон Сергеевич. При первом рассмотрении никакого ахуетя не наблюдалось.

– Да вот же! – Олеся обвела рукой парковку, отель, скалу, будто презентуя.

Антон пожал плечами. Олесю оказалось не так сложно удивить.

Отель выглядел старой монументальной громадой, пережитком прошлых веков, невесть как законсервированным в этой глуши на долгие годы.

– Ебать мой хуй! – поддержал разговор он, но сделал это как-то с ленцой и изрядной долей равнодушия, что не укрылось от внимания Олеси.

– Вот из-за таких мелочей рушатся семьи, – промежду прочим сказала она, – разные люди, разные взгляды, порой противоположные. Простое равнодушие может убить годы работы. Ты слышишь – работы! Да, над отношениями нужно работать, нужно отдавать всего себя, подстраиваться, договариваться...

Антон уже не слушал, он вышел и достал из багажника

чемодан. «Бал лучших людей» – что за дурацкое название для торжества? Кому вообще такое могло прийти в голову? «Ебал лучших людей» – другое дело. Всего одна буква, а как заиграл смысл – целая человеческая судьба в одном предложении. Непростая, противоречивая, но все же полная ярких событий судьба.

– ... тебя даже не заботит, получила ли я оргазм! – закончила Олеся.

– Что правда, то правда, – согласился он и отвернулся, чувствуя затылком ее гневный сверлящий взгляд.

Машин на парковке было предостаточно, причем парковали их как водители, так и пидарасы, занимающие два места, пешеходные дорожки и просто диагональщики. Антон был гибким и подвижным, чемодан – нет, поэтому некоторые машины приобретали характерные потертости. Наконец слалом вывел Антона Сергеевича к парадному входу. За ним, выдерживая соответствующее расстояние, шла надувшая губы Олеся. Причем не сейчас от обиды, а в прошлом году за двести тысяч.

Холл гудел, но гудел вяло. Народу было предостаточно, но все передвигались чинно, хоть и плотно. Что-то в этом насторожило Антона Сергеевича. Он сообразил не сразу, но тем не менее понял – здесь совсем не было детей. Это выглядело в целом естественным, ибо на бал извращенцев детей с собой брать ни к чему, но уж один-два ребенка есть всегда и везде, в любой компании и в любых обстоятельствах. Здесь

их не было. Это и хорошо, Олеся не будет намекать, что ей хоть и мало лет, но вроде как и дохуя, и пора бы беременеть.

– Здравствуйте! – мило улыбнулась девушка на ресепшене.

Не успел Антон Сергеевич произнести дежурное «хуявайтесь», как из-за его спины выдвинулась Олеся:

– Мы на бал. Милославские Жорж и Алессия.

«Хуессия» – опять промолчал Антон.

– Вот вы какие, Милославские! – Всплеснула руками девушка. – А мне любопытно было на вас посмотреть, когда я изучала бронирования.

«Зачем ей на нас смотреть?» – опять спросил себя Антон.

А вслух произнес:

– Да, мы такие. Особенно я такой. – И подмигнул девушке пока Олеся копалась в поисках паспорта, в котором была совсем другая фамилия.

Девушка покорно приняла подмигивание, а в ответ показала большой палец. Причем не просто показала, а засунула его в рот и ткнула во внутреннюю сторону щеки.

Этот отель начинал нравиться Антону.

***

Виктор Андреевич проспал. Он вскочил на кровати, рывком сел и шальным взглядом начал рекогносцировку.

Реальность входила в него фактами. Никуда он не про-

спал, ничего ему не угрожает, никакой он не победитель по жизни.

Хотя номер был богатым, и все эти вензеля окончательно вернули его в себя. Виктор хотел быстро одеться, но вспомнил что перед сном даже ботинок не снял, и еще раз похвалил себя за предусмотрительность.

Спал он не сказать, чтоб дохуя, но никак не меньше десяти часов. По крайней мере со световым днем он сегодня разминулся.

«Не посрать ли в раковину?» – промелькнула шальная мысль. Но сделала это столь стремительно, что Витя за ней не успел. Да и срать не хотелось, потому что сегодня он ничего не ел. В отличие от вчера. Ему вдруг стало интересно – хозяин обосранных им накануне санок – он мальчик или девочка?

Виктор Андреевич понимал, что тратит драгоценное время не на то, но никак не мог остановиться. Ни хуя не делать и проебывать жизнь было прекрасно.

Высморкавшись в подушку, он выглянул из номера. В коридоре никого, а значит, можно не рассчитывать с портье. Откуда-то доносились звуки приятной музыки и голоса. Много голосов. Витя понимал, что ставить целью нужно «съебаться», а это подразумевает держаться подальше от кого бы то ни было, и пошел в обратную сторону.

Из-за угла вынырнул портье. Эта сволочь была в приподнятом настроении.

– Месье уже проснулся? – поинтересовался тот.

– Нет блядь! – буркнул Витя и хотел идти дальше, не вступая в дальнейшие дебаты.

– Вам в другую сторону, – скромно добавил портье.

– Сам разберись! – парировал Витя.

– Но там мясной цех! – все так же улыбался портье. Он был за спиной Виктора, но тот готов был поклясться, что эта рыжая морда улыбается.

– Ладно, – развернулся Витя, – допустим, в мясном мне и вправду делать нечего. А где у вас рыбный?

Портье на мгновение задумался.

– Месье шутит! – наконец догадался он.

– Месье шутит, – согласился Витя, – но если вы сейчас не сопроводите меня к выходу из отеля и к моему автомобилю, то месье перестанет шутить и начнет бить ебала.

– Вообще-то у нас сегодня праздник. Банкет, фуршет, бал-маскарад и прочие непотребства, – пожал плечами портье, – и вы приглашены.

– Схуяли такие почести? – удивился Виктор Андреевич. В последний раз он наряжался в костюм лет пять назад, когда почти месяц встречался с профдеформированной воспитательницей детского сада, которая вынуждала его наряжаться в реквизит, в противном случае не допуская до интима. Он побывал Д,Артаньяном, роботом, зайчиком и черт еще знает кем. Она всегда была Красной шапочкой. И вот эту красную шапку выебало такое количество сказочных и не только

персонажей, что хватило бы не на одну сотню поломанных детских психик.

– Ваша машина, месье. Она до сих пор не на ходу. А время позднее. Номер остается за вами на целые сутки. А в качестве комплимента от отеля за причиненные неудобства вы приглашены на бал. Вся еда и закуски, все спиртное, а при определенной доле везения и женщины, – подмигнул портье, – в вашем распоряжении...

– Хм, – задумался Витя, – и часто у вас такое блядство? Э-э, то есть торжество?

– Нечасто, – пожал плечами портье, – даже редко. Тем ценнее предложение.

– Ладно, ведите на бал, – вздохнул Витя. – Какая у вас тематика? Мне нужно наряжаться?

– Нет, у вас вполне подходящий костюм дегенерата.

И бесстрашный портье, повернувшись спиной к Вите, направился прочь по коридору, приглашающе махнув рукой. Виктору Андреевичу безудержно захотелось разбежаться и задорно уебать в сутулую спину этого недомерка двумя ногами, может быть даже велосипедом, как Лю Кэн в далеком морталкомбатовском детстве.

Но это означало бы остаться без фуршета и скорее всего без номера на ночь.

– Ладно, сука, – негромко сказал он, – но утром тебе пиздец.

***

– Я бы ему дала, – Олеся указала фужером в сторону седого пожилого господина во фраке. Фужер был пуст, как черепная коробка Олеси, и так же звенел, если приложиться к нему ногтем.

– У него на тебя не встанет, – пожал плечами Антон.

Бал-маскарад был в самом разгаре. Суетливые официанты подливали шампанское и подносили тарталетки всем страждущим. За роялем бесновался пианист, гости щебетали друг с другом, сидя за столами, стоя по кучкам, неторопливо снуюя вдоль зала.

– Как ты вообще узнала об этом мероприятии? – спросил вдруг Антон.

– Я узнала?! – прищурилась Олеся. – Да это ты меня сюда притащил. Вчера вечером на показе к тебе подошла какая-то профурсетка, дала приглашительные, она на тебя так вешалась, что я подумала, что нас ждет тройничок.

– Да? – уточнил Антон. – Я не очень помню. Был пьян-с. А она была брюнеткой или блондинкой?

– Лысая. Но красотка. Я б с ней порезвилась. Если бы ты, как мой муж, мне разрешил, разумеется.

– Но я тебе не муж.

– Но будешь?

Антон хорошо осознал, что план по убийтию нужно осуществлять практически прямо сейчас. Его яйца словно бы

оказались в чьей-то прохладной руке.

– Это угроза? – отшутился он.

– Предложение, – ответила Олеся. – Раз ты сам меня не зовешь, что ж, я сделаю это за тебя. В наше время женщине приходится брать инициативу на себя.

Антон вдруг стал серьезным.

– Ты мне вчера сама рассказывала, что отсосала целому оркестру.

– Не симфоническому.

– Но все еще оркестру.

– Военному духовому. У некоторых не встал.

– Оркестру блядь, Олесь! Ты должна понимать, что в нашей постели, если мы поженимся, между мной и тобой будут лежать еще тридцать мужиков в форме.

– Ты меня не любишь? – спросила вдруг она.

– Нет! – уцепился за призрачный шанс Антон.

– Но в браке это и неважно, – легко махнула рукой Олеся. – Я буду в белом, мы выпустим голубей, а танец новобрачных пусть будет румба.

– Хуюмба, Олесь! – Антон терял терпение.

В это время к ним подошла неопределенного вида и возраста женщина, издалека напоминавшая графиню, а вблизи – мумию.

– Позвольте поинтересоваться, как вам?

– Охуительно, – искренне ответил Антон.

– А он мне предложение сделал! – выдала вдруг Олеся и

прослезилась.

«Предложение пройти нахуй», – отчего-то подумалось Антону.

– Это замечательно, – рассмеялась старуха каркающим смехом. Антон Сергеевич вздрогнул, до того это было неожиданно и страшно. – Вы еще нашу кровавую Мэри не пробовали!

И она, все так же смеясь, удалилась.

– Что это блядь вообще было? – развел руками Антон.

***

Валерий Робертович немного устал. Сначала по гористой местности тащить за Гундяевым огромный вещмешок со снаряжением, потом размещаться на позиции, а затем остаток дня провести в ожидании.

В роскошном зале отеля люди веселились, жрали и пили в тепле. Наверняка там в сортирах кто-то кому-то даже отсосал. А они с Гундяевым сидели в кустах на склоне, укрытые разве что каплями дождя.

Вообще-то Валерий Робертович лежал под маскировочной накидкой и наблюдал за отелем в снайперский прицел.

– Не пора еще? – почти обреченно спросил он. Голод медленно подступал, да и руки с ногами затекли.

– Н-н-н-нет! – почти рыкнул Гундяев.

Валера удивился – чего он такой вспыльчивый? Голос ше-

фа был напряженным, будто тот перетягивал канат.

– А сейчас? – решил пошутить Валерий Робертович.

– Н-н-н-нет блядь! – все с тем же напряжением ответил Гундяев.

Валера выглянул из-под накидки и посмотрел на шефа.

По крайней мере многое прояснилось. Гундяев, ухватившись за скрюченный можжевельник, вцепившийся корнями за скалу, свесил жопу над обрывом, и срал с этого нависшего над дорогой камня вниз, на потрескавшийся от времени асфальт.

Это было опрометчивым поступком. Так он мог выдать группу. И красным лицом, и практически львиным рыком, и говном, чуть сдуваемым ветром, по причудливой траектории ложащимся на потрескавшийся асфальт внизу.

– Ебучая настойка! – Процедил сквозь зубы Гундяев. – Плесень «переиграла».

«Шах и мат, – подумал Валера, – переиграла и уничтожила».

– Ничего! – натужно тявкнул Гундяев, – время еще есть, они обычно в девять вечера начинают...

Валере захотелось спросить, с какого хуя они тогда шестой час напряженно наблюдают, перенося тяготы и лишения? Ему даже подумалось – а не впиться ли зубами в запястья этого дебила, в чье подчинение его угораздило попасть? Ему ярко представилось, как Гундяев, разжав руки, летит вниз, повторяя сцену из Крепкого орешка. Летит быст-

ро, наверное, даже обгоняя собственное говно. Может быть даже успеет повторить другую культовую сцену с большим пальцем и смачным «Я еще просусь».

Тем не менее, у Гундяева были свои планы на остаток вечера. Досрав, он попробовал подтянуться обратно, но его руки задеревенели.

– Помоги! Ну же! – Он все так же отключил жопу, крепко уцепившись двумя руками за дерево.

– Дай руку! – крикнул Валера, но хитрый Гундяев понимал, что, дав одну руку, второй он никуя не удержится.

– Ы-ы-ы! – крепился он что есть сил.

– Не понимаю! – пожал плечами Валера. Втягивать Гундяева обратно означало измазаться в говне, а как выпускник РАГС, Валера понимал, что без существенного профита ввязываться в такие авантюры нецелесообразно.

– Втяни меня, сука, обратно! – орал Гундяев.

– А у вас место заместителя свободно? – Валера начал торги издалека.

***

Витя твердо решил нашампаниться, он то и дело выхватывал с подноса очередного пробегающего мимо официанта один-два бокала. Вечер уже не казался ему томным, и старые сморщенные гости выглядели достаточно милыми, а во все не доживающими свой век богатыми уебанамии. И самое

главное – они выглядели вполне безобидными на предмет сдачи, ведь Виктор Андреевич если уж напивался, то обязательно разворачивал бурную деятельность против общественного порядка.

Он ненароком пихал локтями то одного, то другого старичка, которые в ответ только улыбались или пожимали плечами. Какой-то старухе наступил на подол шикарного викторианского платья, а другой рыгнул в декольте.

И тут он заметил ее. Она была юна и прелестна, и зубы у нее все были на месте, и когда она улыбалась, они ровными белыми рядами манили его. А улыбалась она часто, почти все время. Щеки ее покраснелись, порой она хохотала во весь голос над шутками какого-то престарелого стендапера. Кажется, Витя нашел здесь родственную душу. Они встретились глазами, и это стало сигналом. Виктор Андреевич преодолел разделяющее их расстояние по прямой, и галантно поцеловал ручку. Кожа оказалась нежной ну просто пиздец. Вите захотелось прижать ее к лицу и елозить, елозить, елозить по ней щекой.

– Бонжур, мадам! – куртуазно раскланялся он.

– Чего? – весело спросила юная прелестница.

– Я говорю, что сражен вашей красотой, вы пленили мое сердце с первого мгновения и, кажется, навсегда. Позвольте представиться – Виктор Андреевич, преуспевающий предприниматель, владелец серьезного бизнеса и намерений.

– Машка! – смеясь представилась в ответ девушка.

– О, Машка. Чудесное имя! – обрадовался Витя. – А вы случайно не давалка?

– Хи-хи, – покраснела Машка. – Здесь все такие учтивые и обходительные, а вы такое хуйло. Но это меня заводит, – добавила она.

Виктор Андреевич уже давно никого не заводил, оттого ему было вдвойне приятно.

– Здесь все какие-то морщинистые, – скуксилась Машка, – а вы на общем фоне еще ничего. Вы здесь случайно?

– Еще минуту назад я был уверен, что да, – попер в атаку Витя, – но увидев вас, я понял, что провидение вело меня сюда.

– А вы напористый, – покраснела Машка. – Жду вас в полночь у себя. Хотя нет, у меня не выйдет, – помрачнела она, – я живу в номере с дядей. Вы представляете, всю жизнь прожила и не знала, что у меня есть дядя, да еще и румын. Да еще и аристократ. Но он такой нудный. И я думаю, ему не понравится, если вы будете меня жახать, когда он спит рядом, ведь я громко кричу, а у него очень чуткий сон.

– Вы спите в одной кровати? – уточнил Виктор Андреевич.

– Ну да, – ответила Машка, – он же мой дядя.

– Но вы не?.. – смутился Виктор Андреевич.

– Фу, нет, конечно, он же мой дядя, – скорчила рожицу Машка.

– Тогда давайте жახаться у меня? – предложил выход из

сложившейся ситуации Виктор Андреевич, – я живу один.

В глазах Машки был неопиcуемый восторг. Видимо ей нечасто встречались мужчины, способные решать возникающие проблемы, быть крепкой опорой и надежным плечом. Настоящие, в общем, мужчины.

А еще Виктор Андреевич заметил, что под платьем у Машки ничего не было.

– А давайте может быть, прямо сейчас сходим ко мне, я вас один разочек жахну, а потом встретимся снова, как договаривались, в полночь, а?

– Вы шалун, – закокетничала Машка, и на ее щеках появились ямочки.

Витя, занимавшийся раньше кузовным ремонтом, представил, как он легко выправляет эти ямочки членом с внутренней стороны щеки.

– Но сейчас я не могу. Дядя сказал, что меня выбрали королевой вечера, и мне нужно будет поучаствовать в одном ритуале. Но после него я вся ваша.

В это время трое официантов, кряхтя и тужась, ввозили в центр зала огромный хрустальный чан, в котором плескалась какая-то прозрачная жидкость. Стоявшая рядом парочка пенсионеров переглянулась, и дедок вытащил карманные часы на цепочке.

– Почти девять, – скрипуче произнес он, – сейчас начнется.

Его старая спутница явно этому обрадовалась, ее гла-

за загорелись, и она весьма хищно улыбнулась, обнажив непропорционально большие зубы. Вите второй раз за вечер вспомнилась красношапочная воспитательница с ее «А откуда у тебя такие большие зубы?» и неизменным Витиным «Это ты еще хуй не видела!»

– Я побежала, – Машка поцеловала Виктора Андреевича в щеку и бросилась к центру зала, где весьма высокий седой господин в черном фраке осматривался по сторонам, по всей видимости ища глазами племянницу. Этот румын сразу не понравился Вите, но ведь не его же он собирался ебать всю ночь напролет.

Рядом с румыном стоял дядя Миша, тоже во фраке, и Витя отметил, что дяде Мише определенно шло такое одеяние.

***

– Дамы и господа! – громко произнес представительный старикан во фраке. Он был весьма высок, около двух метров, и очень худ.

– Это он нам, – обрадовалась Олеся. – Наконец-то официальная часть!

– Я покурить, – попытался ретироваться Антон, – все эти речи такие нудные и безмерно меня напрягают.

Но Олеся крепко держала его за рукав.

– Давай послушаем, что он скажет, и потом вместе покурим.

План Антона трещал по швам.

– Ты же не куришь. – Удивился он. – Сама же сказала – «я не курю и не готовлю, только сосу».

– Про курение я соврала, – пожала плечами Олеся.

– Тогда я поссать, – вновь попытался Антон.

– Стоять! – крепко держала его Олеся. – Мы не так часто выходим в свет, чтобы ты меня бросил на растерзание этим степенным пенсионерам с унылыми лицами.

В это время высокий румын начал вещать.

– Я рад представить вам королеву сегодняшнего вечера, мою племянницу, которую по традиции зовут Мария!

Разрумянившаяся Машка вышла в середину, к безымянному дяде и дяде Мише.

Дядя Миша торжественно потянул за бретельки на платье Машки, и оно соскочило вниз. Машка была голая. Она на секунду смутилась, но увидев, что всем в целом похуй на ее наготу, и дядя тоже ведет себя так, словно все идет по плану, успокоилась.

Официант принес маленькую лесенку, и дядя показал Машке, что ей нужно забраться по ней и окунуться в хрустальный чан с прозрачной жидкостью.

Антон не заметил, как рядом с ним опять оказалась каркающая старуха.

– Там, в чаше – водка. Сейчас будет кровавая Мэри!

И она вновь закаркала. Антон увидел, что зубы у нее вроде как выросли с прошлого разговора. Особенно клыки.

– А у меня сиськи больше! – внимательно изучив Машку, удовлетворенно сказала Олеся.

– Ну так ты и старше, – логично пояснил Антон Сергеевич.

В это время Машка уже почти залезла в чан с водкой. Дядя стоял у нее за спиной. За правую руку ее поддерживал Мориц Казимир Бентхайм-Текленбург фон Гюттерсвик, он же дядя Миша, а за левую еще один ряженный мужик со столь же снобистским выражением лица.

Счастливая Машка улыбалась во весь рот. В водке она еще не купалась. По телу пошел приятный холод, сменившийся теплом. Потом дядя надавил ей на макушку и окунул в водку с головой. Машка нахлебалась, ясен хуй, но виду не подала.

– Ну же, – в предвкушении старуха, что стояла рядом с Антоном и Олесей, уже кусала ногти. – Ну же блядь!

Дальше началось что-то совсем уж невообразимое, и Антону особенно сильно захотелось покурить, но желательно где-нибудь на берегу океана в трех-пяти тысячах километров отсюда.

Машка с растопыренным в стороны руками продолжала светить сиськами из чана с водкой, и вдруг, как по команде, все трое ее сопровождающих, прильнули к ней. Дядя Миша и второй сноб – к запястьям, а Машкин двухметровый седой дядя – к шее. Это длилось несколько секунд, и они отпрянули. А из Машки натурально полилась кровь. Красные струйки текли по шее, сиськам и животу, по рукам, образуя на ней

карту красных рек, впадающих в океан водки.

– Гхы, гхы! – произнесла каркающая старуха. И все остальное старичье тоже принялось издавать нечленораздельные звуки. Теперь Антон видел, что он не ошибся – их клыки реально выросли и торчали изо рта.

– Ну нахуй! – произнес он и высвободил руку.

Сейчас было все еще подходящее время, чтоб съебаться, хотя и не такое идеальное, как пять минут назад.

– Вот это шоу, – произнесла сияющая Олеся, – тематическое, про вампиров видимо. И спецэффекты ахуенские.

Вампирское сборище, уже не скрывая личин медленно, но уверенно приближалось к чану. Антон видел, вкрапления обычных людей, но их было не больше десяти процентов, и, кажется, это была закуска для вампиров, такая же, как он сам. Нет, нужно было найти способ ретироваться. Единственные двери в зал оказались закрыты снаружи. Оставались окна.

Раздался первый крик – еще до кого-то из лакомых гостей дошло. Затем еще один крик. Начинаясь паника для одних и безудержное веселье для других. Старуха повернулась лицом к Антону.

– Я бы выебала тебя, – прокаркала она, – но я так голодна, что боюсь мне не хватит самообладания. Но высосать всю твою кровь через хуй я, пожалуй, еще в состоянии.

И она потянула к нему свои морщинистые руки.

Сказать, что Витя охуел, значит ничего не сказать. Правда, он не мог понять, с чего больше. Что его лишили перспективы восхитительной ебли до утра или что скорее всего лишат перспективы жизни в самое ближайшее время. Он сунул пустой бокал из-под шампанского в глаз ближайшего старика-вампира. стакан на удивление легко вошел в глазницу.

Нужно было убираться отсюда поскорее. Он выхватил из рук официанта поднос и принялся колошматить по старым ебальникам направо и налево, расчищая дорогу к выходу. Бамс! Бамс! Бамс! Это был очень звонкий поднос.

– *Sit Sanguis Effusus!* – торжественно воскликнул главный вампир и по совместительству Машкин дядя. Он мог быть самым Дракулой, подумалось вдруг Вите.

В это время голова возможного Дракулы лопнула, как переспелый помидор. Витя понимал, что сами по себе головы лопаются редко, а под воздействием экспансивных пуль – легко. Но дольше размышлять на эту тему он позволить себе не мог, как, впрочем, и на любую другую, поэтому просто доверился инстинкту самосохранения.

– Н-на блядь! – не жалел внимания к окружающим он. – Получи, мразь!

Виктор Андреевич, не был уверен, что поднос серебряный, но против вампиров он оказался вполне эффективен.

Кто-то попытался схватить его за ногу, но то было опрометчивым решением – Витя, как панк на пенсии, мыском говнодава вынес не один десяток зубов.

Все бы хорошо, но на его пути встал дядя Миша.

Витя укоризненно посмотрел на него.

Но просто отпиздить дядю Мишу у него не поднималась рука. Они вроде как многое пережили вместе, дядя Миша даже разок умер практически у него на руках. Но при этом он до сих пор не отдал Виктору Андреевичу вторую часть заработка.

Два этих чувства боролись в нем добрую секунду или полторы и это могло продолжаться и дальше, если бы дяде Мише не прилетело откуда-то сбоку.

Хуякс!

Мориц Казимир Бентхайм-Текленбург фон Гюттерсвик остался натурально без головы. А в том месте, где она только что была с громким свистом промчался стул, который за ножку держал... Антон Сергеевич.

Вите даже пришлось пригнуться, ибо сила инерции сообщила ему, что если стул не встретил сопротивления в виде внезапно лопнувшей головы дяди Миши, он двинется дальше.

Так все и вышло. Антон со стулом в руках сделал круг, как детская карусель с лошадками и остановился, непонимающе наблюдая за безголовым дядей Мишей, который еще не успел упасть, и за Витей, которого Антон не сказать, чтоб

сильно ожидал здесь увидеть.

– Мое почтение, коллега! – не теряя самообладания, произнес Антон.

– Неожиданная встреча, – согласился с ним Витя, смачно приложившись к ходячим мощам Елизаветы первой или кого-то очень похожего на нее.

– Здравсьте, – добавила от себя Олеся. Она была вполне приспособлена к жизни, поэтому сориентировалась, что лучше всего двигаться по дорожке, которую торил меж вампиров Антон.

– Видел телочку? – решил похвастаться Витя и кивком головы показал на плавающую в водке Машку, – моя!

Антон вовсе не собирался хвастаться Олесей.

– А мы скоро поженимся! – постаралась за него та.

– Но не друг на друге, – добавил Антон.

– Но если вы нас спасете, – добавила Олеся, – я вам отсосу. Кровавый карнавал набирал обороты.

***

– А, блядь? – всюю веселился Гундяев, – видел, как я его?

Валера видел. Он и сам снял несколько вампиров. Главного ухуярил Володя – субординация, тут уж ничего не попишешь, но дальше ему был выдан полный карт-бланш.

– Постарайся только поменьше людей стрелять и побольше вампиров, – дал единственное напутствие Гундяев. – Нет,

я понимаю, что без нас они бы все погибли, и любой выживший человек – это спасенная душа. Я понимаю, что существует термин «допустимые потери». Но постарайся все же целиться в вампиров.

И Валера целился. Их головы разлетались вдребезги, красиво и как-то лампово и уютно. Это был увлекательный аттракцион, и Валера решил даже дать этой корпорации еще один шанс, не увольняясь сразу. Володя в его глазах за несколько минут превратился из чудаковатого долбоеба в настоящего охотника на вампиров Ван Гундяя.

Но тут в оптический прицел он увидел Витю и Антона.

– Вот бляже... – выругался Валера. Как минимум две души он был спасти просто обязан.

– Прикрой меня, я в ближний бой! – заорал он и начал спускаться по крутому склону, не обращая внимания на выкрики «Стой, дебил!» «Ты куда?» и «Тебе же там сразу пиздец!»

На всякий случай он прихватил с собой мачете и связку святых гранат, которые отличались от обычных начертанным белой краской крестом.

***

Машка была еще жива, когда Витя вытаскивал ее из чана. Он слабо знал правила первой помощи, поэтому просто перекинул через плечо. Она была вся в крови и окутана маня-

щим ароматом водки.

Антон прикрывал операцию подносом. Олеся где-то спиздила каминную кочергу с крюком, и размахивала ей, но этот крюк застрял в первой же вампирской голове, и она безрезультатно пыталась его вытащить.

Кровососущее собрание, кажется, начало соображать, кто представляет для них наибольшую опасность. Да еще к тому же какая-то гнида выключила свет.

– Ложись на пол! – крикнул Антон и плюхнулся первым. Рядом с ним оказалось напряженное лицо Виктора Андреевича и умиротворенная физиономия Машки. Антон не удержался и слизнул немного водки с ее лба.

Где-то далеко вверху кряхтела Олеся.

– План такой, – прохрипел Антон. – Ползем вон к той стене, вдоль которой расставлены статуи. В темноте у нас есть шанс. Стена вся в барельефах. По ним можно будет попробовать забраться повыше и выбраться через окно. Правда ее придется оставить или привести в чувство, чтоб лезла сама.

План Вите нравился. План был хороший. Но и Машка была хорошая. Поэтому решено было пока тащить, а там будет видно.

– Ах ты, мразина! – свирепой амазонкой верещала наверху Олеся, значит она была еще жива.

***

Валерий Робертович какой только хуйни в этой жизни не испытал на себе. Но один против сотни вампиров еще не сражался.

Парадный вход был открыт. Девушка на ресепшене мило улыбнулась и обнажила клыки.

– Пизда тебе, ублюдок! – прошебетала она и прыгнула метра на четыре.

Валера был знаком с азами математики. Он стоял примерно в десяти метрах от нее, стало быть, этой вампирской сучке предстоит еще полтора прыжка, не меньше. Валерий Робертович выдернул чеку.

Но, как оказалось, предыдущий прыжок был не самым дальним, потому что вампирше хватило всего одного. Теперь они смотрели друг другу в глаза, разве что Валера чуть-чуть покосился на ее сиськи, которые немного оголились при кульбитах.

– На, поддержи, – сунул он ей в руку гранату и бросился бежать. Как в боевиках попробовал перепрыгнуть через диван, чтоб укрыться за ним. В кино это работало, но Валерий Робертович не был в такой уж восхитительной спортивной форме, да и дубль был только один.

Спасло ситуацию тупоумие дамы. Неудивительно, что важнее, чем ресепшен, ей дел не доверяли. Она разглядывала гранату еще пару секунд, а потом произошел БАХ. Мясной гуляш с доставкой на обои.

Валерий Робертович робко выглянул из-за дивана и удо-

стоверился в отсутствии опасности. Крепче сжал рукоять мачете и направился по коридору в сторону основного парадного зала.

Там столпились дрожащие официанты. Входные двери были надежно заперты железным прутом.

– Вы че, мрази? – заорал Валерий Робертович, размахивая мачете. – Ну ладно эти кровососы, у них физиология такая. Но вы своих же предаете! Людей блядь! Много эти твари вам платят? Почему сейчас душа?!

Валера не надеялся на конструктивный диалог, скорее просто тянул время, подходя ближе, но официанты восприняли упрек всерьез. Их было четверо, вид у них был грустный и будто бы обреченный. Бодрячком держался только рыжий портье.

– Немного, допустим, а что?

– А то блядь! – представил неоспоримый аргумент Валерий Робертович.

– А мне нихуя не платят, – сказал самый толстый, – можно, я пойду?

По его глазам Валера видел, что тот пиздит, но препятствовать не стал.

– Если тебе не платят, чего ж ты тогда такой жирный?! – возмутился его коллега.

Валера в очередной раз убедился, что порой достаточно подбросить крохотный уголек в цистерну тлеющего социального неравенства, чтоб разжечь цветную революцию.

– Да хуйло потому что! – махнул рукой рыжий портье.

– Вообще-то, хуйло не приговор, – перешел Валера ко второй части спонтанного плана. – Тут каждый второй хуйло, а если глубже копнуть, то каждый первый. Но никогда не поздно измениться, слышите вы, продажные шкуры?! Прямо сейчас открыть эту чертову дверь, вооружиться кто чем может, хоть вот этим блядь канделябром, и шагнуть туда, чтоб пройти свой путь очищения!

Он не был уверен, что эта речь кого-то вдохновит, но попытаться стоило.

– А гранату дашь? – спросил жирный.

– Гранату не дам, – ответил Валера.

– Ну и ладно. Я все равно в деле. – Неожиданно ответил жирный и вытащил из-за пазухи хачапури. Вялый сыр в слоеном тесте был не самым грозным оружием против вампиров, но жирный и не собирался им драться. Хачапури исчез в его огромной пасти. Калории, направленные в нужное горло, иногда решают исходы сражений.

– Вперед! – крикнул жирный и что есть силы налег на железный прут. Рыжего портье, который попытался было встать на его пути, жирный даже не заметил.

***

Пересядь с иглы мужского одобрения на мужское лицо. Именно этот забытый, но оттого не менее провокационный

слоган от Рибок вспомнился Антону Сергеевичу прямо сейчас. Он сидел на лице гипсового Юпитера и это было не сказать, чтоб очень удобно. Зато высоко.

Олеся карабкалась вверх по копьё Юпитера и делала это весьма успешно. Годы тренировок на шесте не прошли даром.

По соседству Виктор Андреевич с большим трудом смог перекинуть Машку через щит Марса, а сам отпихивался ногой от взлохмаченной бабки. В живых среди людской части благородного собрания, кажется, больше никого не осталось. Антон понимал, что очень скоро вампиры дососут доступные тела и обязательно переключатся на них в полном составе.

– Слышь, хуила, – услышал он вкрадчивый голос то ли в своей голове, то ли в жопе, – слезь на минутку, что-то покажу.

На секунду он подумал, что это говорит гипсовый Юпитер, но очень быстро отказался от этой мысли.

До него вдруг дошло, что это и есть утробный зов вампиров, это хитрость, чертов инструмент эволюции, и поддаваться ему никак нельзя. Но так захотелось.

Он из последних сил искал глазами хозяина утробного голоса. Это был третий мужик, который на ритуале кусал Машку за левое запястье. Он был никакой не седой, но одновременно не рыжий, не брюнет и не блондин. Он был лысым. Вдруг этот чинный граф взял и отклеил бороду, и теперь Ан-

тон начал узнавать – это была та лысая телка, которая вчера вручила ему приглашение. Она и есть Дракула. Феминизм добрался и до вампиров.

– Иди нахуй! – в праведном гневе парировал он.

– На твой что ли? – игриво спросила Дракула. Да, теперь он начал различать кокетливые нотки в этом грубом голосе.

– На моем ты лопнешь! – ответил Антон. Он судорожно искал пути выхода из сложившейся ситуации.

– Да я тебя через него надую, как дирижабль, – перешла к угрозам «мисс Трансильвания-1472». И она, кажется, не блефовала. Она, кажется, кайфовала. Графиня подняла руки вверх, и все младшие вампиры бросили свои занятия, повинуюсь.

– Мне нужны они, – коротко сказала Дракула.

– Мне нужны они, мне нужны они, я сошла с ума, я сошла с ума... – поддержала разговор Олеся.

– А я бы не отказался от гаубицы, – вздохнул Виктор Андреевич. Сидеть на голове Марса было не очень удобно оттого, что его шлем имел внушительный гребень, что не добавляло Вите энтузиазма.

– Вы были мне хорошими друзьями, – начал прощаться Антон.

– А ты мог бы быть мне хорошим мужем, – вздохнула Олеся.

– А станешь мне отличным деликатесом! – расхохоталась Дракула.

В это время дверь с грохотом распахнулась и в нее ворвался жирный официант. За ним, на почтительном расстоянии еще парочка коллег и в самом конце жутко вращающий глазами и размахивающий мачете Валера.

Антон Сергеевич узнал его сразу.

– Валера! Ты пиздец как вовремя! – Заорал он. – Убей ее! Она главная! Сдохнет она, сдохнут все!

– Ля, ты крыса... – ощерилась на Антона Дракула.

Валера, не теряя времени даром, выдернул чеку и швырнул в румынку святую гранату. Графиня ловко поймала ее и перебросила Антону. Тот, проявляя чудеса эквилибристики, умудрился переправить ее в толпу младших вампиров.

БАХ.

В зале и без того было не прибрано, но ситуация еще усугубилась. Дракула в один прыжок оказалась возле Валеры и забрала у него оставшиеся гранаты.

Он на мгновение растерялся, но вспомнил про мачете, тем более тот был у него в руке.

– Хочешь меня? – сменила тактику Дракула.

– Не отказался бы, – без промедления ответил Валера.

– Снимай штаны, – приказала графиня.

Валера понимал, что думать нужно головой, а не членом, но именно головой сейчас совсем не думалось. Он медленно снял штаны. Младшие вампиры заинтересованно собирались в круг.

Валерий Робертович стоял со спущенными штанами и

всем было видно, что его Валерий Робертович тоже стоял. Стоял крепко, что даже голова закружилась.

– Это не ты, Валера! – кричал Антон Сергеевич. – Слышишь? Не дай ей себя одолеть!

– Ну право, как дубинка, – уважительно сказала Дракула.

– Подумай о чем-нибудь, другом! – заорал Виктор Андреевич, – о чем-нибудь мерзком! Я не знаю, например обо мне!

– Я – твоя госпожа! – громко произнесла Дракула.

– Ты – моя госпожа, – вяло повторил Валера.

Антон Сергеевич съезжал по гипсовому Юпитеру, как охотник за привидениями или пожарный. Он спешил на помощь другу.

– У тебя огромный член! – властно сказала Дракула.

– У меня огромный член, – не без гордости произнес Валера.

– Дай его мне! – продолжала графиня.

– На, – Валера подал таз вперед.

– Не так, – покачала головой Дракула, – дай мне его полностью. Для этого у тебя есть мачете.

Виктор Андреевич зажмурился. Смотреть на это он не мог, пусть даже издалека. Антон был уже внизу, но он понимал, что не успевает.

Валера занес мачете.

У Дракулы потекла слюна.

А потом разлетелась голова.

В дверях стоял Володя Гундяев, воин Всевышнего и борец

с нечистью. Он стрелял с колена. Впервые в жизни. Но он никому об этом не расскажет, унеся тайну с собой в могилу.

Младшие вампиры теряли силы и ориентацию в пространстве, опускаясь на пол. Жирный повар начал давить их головы подошвой, затем разошелся и начал исполнять некоторые элементы реслинга.

Машка застонала и скатилась со щита Марса. Виктор Андреевич открыл глаза. Он услышал зов любимой, он сделал бы это и за тысячи километров, но их разделял только рост бога войны. Витя ловко и бесстрашно спрыгнул вниз.

– Ай, блядь! – закричала Машка. Она будет хромать несколько месяцев. Но Витя, готовый трахать ее и полностью неподвижную, не обратит на хромоту никакого внимания.

Валера густо покраснел и спрятал член в штаны. Следующие полгода он будет доставать его только в одиночестве и только чтоб поссать.

Антон Сергеевич вернулся к Юпитеру, чтоб снять Олесю. Та боялась высоты и слезать не собиралась. А еще была без трусов, светя пельменем. Они так и не поженятся, по крайней мере друг на друге.

Портер заведется с первого раза. Ждать утра в отеле ни у кого не будет желания, поэтому все они набьются в кузов и Виктор Андреевич медленно – не дрова везет – поедет обратно в город.

А добро все так же будет ебать зло. На то оно и добро.